

Олег Овчинников

Операторы односторонней СВЯЗИ

Часть сборника
Мифы мегаполиса (сборник)

Олег Вячеславович Овчинников

Операторы односторонней связи

предоставлено автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184123

«Мифы мегаполиса»: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2007

Аннотация

«Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе. И в кабине лифта, стоя в углу и не обращая внимания на мелькание этажей. И когда поздним вечером вы спешите домой, а я бреду вам навстречу по темной улице. Не потому, что у меня в ухе наушник, а на щеке – модная проволочка «хэндс фри» микрофона. У меня вообще нет мобильного. С кем бы я по нему общался? Даже пейджера нет. Я сам как пейджер...»

Олег Овчинников

Операторы односторонней связи

Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе. И в кабине лифта, стоя в углу и не обращая внимания на мелькание этажей. И когда поздним вечером вы спешите домой, а я бреду вам навстречу по темной улице. Не потому, что у меня в ухе наушник, а на щеке – модная проволочка «хэндс фри» микрофона. У меня вообще нет мобильного. С кем бы я по нему общался? Даже пейджера нет. Я сам как пейджер.

Я разговариваю сам с собой, так думаете вы. Если вам взбредет в голову понаблюдать за мной, вы заметите, что я говорю разными голосами. Но я не шизофреник. Шизофренику никогда не бывает так одиноко.

Я связист. Или связной. Название не меняет сути. Опс, извините, начинается моя передача.

– Эй, кончайте прикалываться, злыдни! Зачем вы меня заперли? Тоже мне, шуточки... Откройте, я же все равно выберусь! Дверь вышибу или по пожарке слезу. Слышите? Все, вышибаю... – Минуту спустя: – Крепкая, черт! Все-таки по пожарке... У-у, шатается!

Кажется, все.

– Извините, это я не вам. Да, да, мне очень жаль. Я же

извинился!.. Сами вы прете! Да вам одной на тротуаре тесно! Езжайте в Индию, там на таких, как вы, молятся. Все, я сказал!

Ненавижу прохожих-скандалистов! Готовы целый час возмущенно размахивать руками и чесать языком, вместо того чтобы просто сделать шаг в сторону и дать мне пройти. Я же не виноват, что меня периодически накрывает. Можно подумать, я сам выбираю время и место сеанса! Чуть настроение не испортила. Не видно разве: человек на свидание торопится. В чистых брюках. Со стрелочками.

Стрелочки, правда, немного разные получились. Что поделать, маловато опыта... Так ведь они и в швейцарских часах не совсем одинаковые. По слухам.

Все, вроде успокоился.

О чем я? Об одиночестве? Ладно.

Мы повстречались прошлой осенью, в парке.

Смешное слово «повстречались». Повстречались, повстречались и разошлись? Я не суеверен, однако не пожалею ни слюны, ни свежевыглаженной рубашки, лишь бы такого не случилось. Тьфу-тьфу-тьфу!

«Повстречались» значит случайно встретились. И познакомились – тоже случайно. Только благодаря поделке из цветной бумаги, иначе бы так и остались незнакомыми, случайными, чужими... Я озабоченно пинал опавшие листья: «Середина октября, время продумывать зимний гардероб. А чего тут продумывать? Заштопать свитер, второй... Са-

мый теплый, с оленями, к сожалению, «восстановлению не подлежит», но, если обрезать и подшить рукава, из него получится отличная жилетка. И ветровка – поверх: зимы в Москве дождливые. В общем, как-нибудь перезимуем. Как-нибудь...» Она недовольно сметала листву к обочине: «Середина октября, теплынь, солнышко. Второе лето за год проходит мимо. Даром что бабье...» Я шаркал подошвами, она – метлой. Она работала с прохладцей, я просто прохлаждался. Я вносил элемент хаоса в золотисто-багряное великолепие, в это унылое очарование для очей поэта. Она пыталась его упорядочить, выметая листья чуть ли не у меня из-под ног, собирая их в аккуратные кучки, сильно смахивающие на заготовки для жертвенных костров. Словом, трудно представить себе пару, менее расположенную к знакомству.

Шарик из сиреневого картона мы заметили одновременно. Он лежал посредине пустой скамейки, забытый кем-то или выброшенный. Грани на шарике стали заметны, когда мы подошли ближе, каждый своим путем.

Она остановилась, я склонился над скамейкой. Она протянула к шарикру руку в неуклюжей брезентовой рукавице, я оказался проворней.

- Двенадцатигранник, – сказала она тихим голосом.
- Додекаэдр, – согласился я.

Я уже вертел его в пальцах – правда, тогда он был серый и пластмассовый – давным-давно в кабинете алгебры и геометрии. И думал, что все люди похожи на многогранники.

Простые и прямодушные – на кубы, более сложные, «с подтекстом» – на додекаэдры, себя же я с юношеской самоуверенностью причислял к икосаэдрам, сплошь состоящим из маленьких хитреньких треугольничков.

С какой стороны ни посмотри, увидишь всего несколько граней, прочие останутся в тени. На них даже можно написать: «эта сторона – для родителей», «эта – для учителей», «эта – для случайных встречных». И только к тем, кто нам по-настоящему дорог, мы стараемся поворачиваться своими лучшими гранями.

С годами число треугольничков поубавилось, граненый брильянт икосаэдра потускнел и выродился до чего-то угловатого и плоского. Сторона «А» для тех, кто пройдет мимо и не заметит, и сторона «Б», для тех, кто заметит... и пройдет. В частности, к парковой «девушке с метлой» я неосознанно старался повернуться левым боком. На правой щеке третий день белела полоска пластыря, вернее сказать, уже серела – в память о неудачной попытке заточить тупое лезвие одноразового бритвенного станка. Заметив такую странность в своем поведении, я улыбнулся.

– Можно? – Маленькая узкая ладошка вынырнула из рукавицы, превосходящей ее размерами раза в три.

– Пожалуйста. – Я положил на нее наглядное пособие по наивным заблуждениям детства.

– Картонный, – заметила она с легким сожалением. – У нас в классе был пластмассовый.

Сиреневый двенадцатигранник дрогнул под порывом ветра и мне пришлось придержать его пальцами, чтобы не улетел.

Девушка с метлой бросила на меня короткий взгляд исподлобья и тут же отвернулась. Я успел заметить лишь красное пятнышко расцветающей простуды – слева над верхней губой. На ее стороне «А».

Две минуты спустя она призналась, что ее зовут Лара. Три минуты спустя я все еще пытался вспомнить собственное имя. Меня так давно о нем не спрашивали, чаще интересуюсь регистрацией... А когда вспомнил – не успел назвать.

Знакомый холодок пробежал вверх по позвоночнику, вздыбил волоски на шее, больно клюнул в темечко. Разошелся электрическими волнами по рукам и ногам, нестерпимо засвербел, уткнувшись в кончики пальцев. Я почувствовал приближение сеанса. И даже зубы стиснул от раздражения: до чего же не вовремя!

Впрочем, когда это сеанс наступал вовремя?

Я повернулся спиной к Ларе и успел сделать несколько шагов по дорожке черного и как будто осиротевшего после расчистки асфальта. Начинать передачу в присутствии новой знакомой почему-то не хотелось. Я еще порадовался про себя: начало эфира по непонятной причине задерживалось. Но уйти достаточно далеко мне не удалось.

– Антон! – раздалось за спиной и я, хоть имя было не мое, резко обернулся.

– Когда же ты приедешь? – немного нервным, но пока еще контролируемым голосом спросила Лара, глядя куда угодно, только не на меня. – Два часа давно прошли, эти люди сказали, что дают тебе еще полчаса. Верни им деньги, Антон, это всего лишь деньги. У тебя же есть, ты говорил...

Я уставился на Лару как в первый раз. Вернее, не «как» – просто в первый раз, поскольку обычно избегаю пристально смотреть на людей, надеясь, что и они в свою очередь проявят тактичность и не станут пялиться на меня в какой-нибудь не самый подходящий момент. То есть практически в любой...

И увидел бледное лицо с тонкими дрожащими губами, которые стали бы выразительнее, не пожалей их обладательница хоть капельку помады. И слипшиеся волосы цвета сырого песка, спадающие на лоб десятком мышинных хвостиков. И выглядывающие из-под челки глаза неопределенной расцветки: не зеленые, не серые, не голубые...

Они и должны быть такими – никакими – глаза связного во время сеанса.

Из-под казенного фартука выглядывали потертые джинсы и мятая трикотажная майка. Стоптанные кроссовки, почти слившиеся цветом с окружающей серостью, завершали ансамбль. Все сходится. Нам незачем заботиться о внешнем виде. Не для кого.

– Антошечка, милый, приезжай поскорее, пожалуйста! Мне не нравится, как на меня смотрит этот лысый!

Взгляд в никуда, закушенные губы... Я не в первый раз наблюдал передачу со стороны. А вот собственной шкурой почувствовал начало сеанса – *чужого* сеанса – пожалуй, впервые. Почему бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.